

«СОБАЧЬЯ» РУБАШКА ДЛЯ РЕБЕНКА В КАЗАХСКИХ ОБРЯДАХ МЛАДЕНЧЕСТВА И ДЕТСТВА¹

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА НАУМОВА

(Российский государственный гуманитарный университет:
Российская Федерация, 125047, г. Москва, ул. Чайнова, д. 15, корп. 7)

Аннотация. *Статья посвящена комплексу обрядов младенческого цикла, а именно обрядам периода первых сорока дней жизни ребенка, которые направлены на его защиту, преодоление лиминального состояния и включение в «этот» мир. Особое значение в статье уделено обряду выхода из сорокадневия и ритуальным практикам, связанным с первой рубашкой для младенца, которая называется «ит көйлек» (досл. с каз. 'собачья рубашка'), и ее заменой на новую одежду, символизирующую настоящее рождение и изменение статуса. На примерах из полевого опыта автор показал, как некогда существующий обряд надевания первой рубашки на ребенка редуцировался и упрощался, оставив современным носителям традиции лишь название ритуального предмета и его «осколки». Согласно более ранним этнографическим описаниям и свидетельствам информантов, прежде чем надеть первую рубашку на ребенка, в нее заворачивали щенка либо клали его в колыбель. Именно эта апотропеическая практика, изначально предполагавшая контакт с собакой, по всей видимости, дала название первой рубашке младенца — «собачья». В некоторых случаях контакт с собакой становился необязательным, однако ее с той же защитной целью заводили в дом и показывали ей рубашку, прежде чем надеть на ребенка. Впоследствии данные ритуальные действия редуцировались и вовсе перестали упоминаться в структуре обряда. Название «собачья» рубашка» для первой детской распашонки и в настоящее время бытует в казахской народной традиции, сохраняя память о существующем в прошлом обряде.*

Ключевые слова: *обряды младенчества и детства, первая одежда ребенка, мифологические представления, апотропеическая традиция, обряд имянаречения, казахи.*

В одной из первых разведывательных экспедиций в Республику Казахстан (2009), в которой работа велась с местным казахским населением и переселенцами из Монголии и Китая, удалось записать ряд подробных интервью, посвященных обрядам младенчества и детства. До настоящего времени среди них главное ме-

сто продолжают занимать обряды, которые совершаются в период первых сорока дней жизни ребенка. Этот временной промежуток у казахов носит название *шилде*, также он выделяется в младенческом цикле у соседствующих тюркских народов: у киргизов и узбеков — это *чилля*, у туркмен — *чиле*, и по своему составу,

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 14-18-00590-П «Тексты и практики фольклора как модель культурной традиции: сравнительно-типологическое исследование».

структуре обрядов и функциям у этих народов он имеет множество сходств².

Комплекс обрядов первых сорока дней включает праздник по случаю рождения младенца — *шилдеhana*, имянаречение, первое купание, положение в колыбель, стрижку волос и ногтей и завершается праздником, который называется *қырқынан шығару*, что означает 'выход из сорокадневия'. Его структура практически зеркальна обрядовым действиям (ритуальное омовение), которые совершались в первые дни после рождения, однако на сороковой день они выполнялись в редуцированной форме, символически.

В целом структура и прагматика обрядов периода первых сорока дней младенца у многих народов Среднеазиатского региона находят множество параллелей и общих обрядовых элементов. Отмечая подобные элементы и подробно анализируя соотношение обрядов младенчества и детства уйгуров с иноэтничными группами в широком контексте, этнограф и антрополог Л. А. Чвырь выделила три культурных общности — тюрко-иранскую, огузскую и кипчакскую, за каждой из которых стоит несколько этносов с четко просматриваемой исторической ретроспективой и схожими культурными элементами в современной обрядовой традиции [Чвырь 2006, 116].

Согласно этому делению, большая часть казахов, наряду с северными киргизами, каракалпаками, кочевыми узбеками, относится к кипчакской группе. Специфическими элементами в матрице схожих обрядовых моделей данных культурных общностей оказываются временные промежутки, наименования и перечень ритуальных атрибутов, статус действующих лиц, а также наличие или отсутствие вербального сопровождения обряда. Об одном из таких специфических обрядовых элементов периода первых сорока дней жизни и пойдет речь в статье, а именно — о первой одежде младенца.

В день празднования *қырқынан шығару* (т.е. завершения сорокадневного периода) важным обрядовым действием была

смена первой одежды ребенка, которую, как вспоминают информанты, раньше надевали в первый день и не снимали до сорокового дня: «<Соб.: Не слышали про первую одежду для новорожденного, как она называлась?> Эээ, *ит көйлек* тоже есть <смеется>. *Ит көйлек... вот сорок дней бывает, для этого специально көйлек — рубашку шьют на этого ребенка, соседи или кто-то, вот эта кіндік шеше шьет прямо, вот так рукавички, вот так <показывает, как шили> легкий материал там. И это через сорок дней, и это называют ит көйлек, это на лечение пойдет, лечат этой рубашкой.* <Соб.: А потом на сороковой день ее снимают или нет?> Да, снимают. Уже после этого не одевают. После сорока дней уже бросают ее» (Зап. от Балкии Казиевны Казиевой, 1936 г.р., п. Баянаул, Павлодарский р-н, Павлодарская обл., Республика Казахстан. Соб. Д. В. Грязев, Ю. Н. Наумова. 2013 г.) [ПМА].

Как видим из интервью, первая детская рубашка носит название *ит көйлек*, так и в настоящее время называют распашонку для новорожденного, купленную в обычном детском магазине. Именно этот предмет одежды и его название, услышанное в первой экспедиции, нас особенно заинтересовали. Как объясняют информанты, *ит көйлек* дословно означает 'собачья рубашка', однако вопрос о его связи с собакой часто вызывает недоумение, а иногда стеснение и смех.

В статье мы попробуем разобраться в том, что стоит за этим названием и какое значение оно заключает в себе сегодня. Для этого мы проанализировали полевые материалы, записанные автором в экспедициях с 2009 по 2015 г. в Северо-Восточном Казахстане от местного казахского населения, а также от казахской диаспоры, переселившейся из Монголии и Китая. Кроме того, для анализа были привлечены работы этнографов и антропологов прошлого столетия, посвященные обрядам младенчества и детства. Они позволили сопоставить обрядовые практики и интерпретации

² Отметим, что термин *чилля* в рамках сорокадневия употребляется широко. У узбеков Ферганской области он является общим названием для комплекса обрядов и предписаний, совершающихся в этот период [Горшунова 2006, 156]. Хорезмские узбеки термином *чилля* называли еще и недуг, полученный в результате нарушения запретов, например, незаживающие болячки на голове ребенка, появившиеся при встрече двух недавно родивших женщин [Фирштейн 1978, 192].

их отдельных элементов более раннего периода с современными.

Первая одежда ребенка, как и всё то, что имело отношение к новорожденному, представляло собой предмет, максимально наделенный значением, и приобретал он его с самого момента изготовления, которое происходило, с одной стороны, по строгой «инструкции», с другой — допускало возможность выбора в рамках имеющихся традиционных моделей. Так, по одним данным *ит кәйлек* шили из цветной ткани, она имела туникообразный покрой с прямыми вшивными рукавами и разрезом спереди. Похожую рубашку после первого купания надевали и киргизы: «...на новорожденного надевают первую рубашку, носящую название “собачьей рубашки” (*ит койнақ*). Ее шьют из тряпки, взятой у старого человека или женщины, у которого счастливо растут дети (Атбаш. р.), либо из старой³ (но целой, не порванной) одежды, по возможности белого цвета (Актал. р.) [Абрамзон 1949, 101].

Следует отметить, что такая рубашка для новорожденного известна и узбекам, однако ее название не отсылает к представлению, связанным с собакой. Узбеки Ферганской долины в период *чилля* надевали на ребенка специальную распашонку — *чилля-куйнак*, которую шили из старой рубахи его деда [Горшунова 2006, 157].

Что касается цветовой символики, то здесь нет строгого запрета на использование ткани каких-либо цветов, но чаще информанты отмечают, что это была цветная ткань или белого цвета: «<Соб.: Из чего ее шьют?> Материал. <Соб.: Из одного отреза или из кусочков ткани?> Цветной, ага, цветной материал, но можно и из белого материала, хоть какой попадет» (Зап. от Балкии Казиевны Казиевой, 1936 г.р., см. выше) [ПМА].

Другим важным моментом в процессе изготовления *ит кәйлек* оказывался

выбор человека, которому доверяли изготовление первой рубашки. Эту важную задачу могла выполнить одна из самых близких женщин в семье — бабушка, мама, сама будущая мама до рождения младенца, но чаще всего эта роль отводилась *кіндік шеше* (дословно ‘пуповинная мать’) — молодой девушке, которую выбирала сама женщина до рождения ребенка. Именно эта девушка выполняет главные ритуальные действия в обрядах младенческого цикла — первое купание, стрижка волос, положение в колыбель — и на всю жизнь становится названной родственницей ребенку и его семье. Раньше именно эта женщина присутствовала в момент рождения и перерезала пуповину.

В настоящее время информанты называют ее «крестной матерью», и ее выбор может оказаться случайным — этот статус может получить и соседка, которая присутствовала во время рождения: «<Соб.: Вы говорили о *кіндік шеше*. Что это за женщина?> Крестная мама, это которая в роддом повезла. Да. Или которая принимает роды она. Вот бывает раньше... сейчас мы в роддом ездим, а некоторые дома ведь рожают, дома принимают. Крестной мамой, крестным папой называют. Ведь она ведь не шофер ведь, у меня тоже крестная мама, крестный папа дали. Она хватает... бывает вот, сау бол, в роддом надо поехать, сосед или еще кто-нибудь шофер. Повез, привез, под ручку завел он уже. Уже там уже дошел, он ждет уже, потом уже крик ребенка, он: “Ой! Сын родился?” — “Да, сын!” Он едет домой, моим родственникам говорит: “У тебя сын родился”. — “Ой, ты крестный папа ведь”. Всё, обмывают так. <...> <Соб.: Даже если она повезла просто в роддом девушку, она все равно будет крестной?> Да. Крестная будет, да. *Кіндік шеше*. Ей золото даем, дарим. Некоторые, у кого хорошо, кольцо одеваем. Сейчас современно все. А раньше что?» (Зап. от Сауле Баймагамбетовой,

³ В рассказах информантов и этнографической литературе часто отмечается, что рубашка должна быть сшита из старой ткани или перешита из одежды, принадлежавшей старому уважаемому человеку. В некоторых случаях новорожденного могли завернуть в штаны деда или старое платье уважаемой женщины, у которой все дети живы и здоровы. В данном случае важен не столько конкретный предмет одежды, сколько сама идея долголетия и благополучия ее хозяина. Отмечая ритуальную функцию старых вещей, в том числе и одежды, А. Л. Топорков выделил своеобразную мифологию «старости» [Топорков 1989, 96–97]; такие предметы, подобно новорожденному, находятся на пограничье, как бы между миром «тем» и «этим», в связи с чем актуализируется их магико-ритуальная функция.

1947 г. р. (урож. г. Павлодар), п. Баянаул, Павлодарский р-н, Павлодарская обл., Республика Казахстан. Соб. Д.В. Грязев, Ю.Н. Наумова. 2013 г.) [ПМА].

Наши информанты отмечают, что первая рубашка *ит кәйлек* связана не только с тем ребенком, для которого была сшита и куплена, но и с рождением здоровых детей в будущем и даже его потомками. Подол и рукава рубашки обычно оставляли не подшитыми, «чтобы род продолжался». Если в семье часто умирали дети, то первую одежду ребенка шили из семи лоскутов ткани, полученных из семи разных домов⁴ [Шаханова 1998, 50]. После сорокового дня первую рубашку выбрасывать было нельзя — созданная по всем канонам традиции, она выполняла продуцирующую и целебную функции, поэтому молодые девушки, желающие в скором времени родить детей или страдающие недугами, забирали ее себе и прикладывали к телу.

Во фрагменте интервью, приведенном ниже, казахская знахарка Сауле рассказывает о том, как ее мама (тоже знахарка, которая лечила детей) хранила волосы, ногти новорожденного, пришивая их к своей одежде вместе с лоскутами от первых рубашек, чтобы ребенок был в безопасности:

«<Соб.: Не слышали, когда ребенок рождается, ему шьют какую-то рубашку...> <Перебивает собирателя.> *Ит кәйлек*. <Соб.: Что это за рубашка такая?> Рубашка у... кого... у русских тоже такая есть. Первая, распашонку надевают первую. Потом после сорока дней ее крестная мама... будет волосы и ногти стричь, эту рубашку снимет. Вот уже по-русски забыла, как разговаривать, как переведешь.

Ногти острые на ножках, на ручках убирают, в бумажку заворачивают, волосы первые тоже и *ит кәйлек*, это все крестная мама забирает. На улицу это не выбрасывают. Эту воду, когда купают, тоже на улицу не выливают у нас как попало. Вот с сорока дней этот... так аккуратно. Это чтобы собака не лазила,

не кусала, не нюхала или чтоб люди не топтали, такую ямочку делают и вот туда выливают все. Иногда *ит кәйлекті* мама забирает. А это... а некоторые вот, сейчас все современное, стыдно, чтобы распашонку взять, а вот моя мама вот это *ит кәйлек* забирает. У нее такая жилетка была, как чапан, так вот. Это я говорю ей раньше: “Что ты, мама, всё тряпки наклеила на себя?” Так это, оказывается, она пришивает внутри и волосы ребеночка, и кусочек *ит кәйлек*. Тряпочки, маленькие тряпочки. Пришьет, чтобы не выбрасывать.

<Соб.: Это пришивается к *ит кәйлек*?> *Ит кәйлек*... Это, например, бабушка в чапан себе забирает. А некоторые, вот, например, кто не рождает и кто хочет, чтобы сын родился, та женщина забирает к себе. Вот носит бюстгалтер. Положит туда ее и носит... <Соб.: Тогда она родит?> Родит, ага. А вот уже есть, рождаются, которые в рубашке рождаются, говорят: “Вторая жизнь”, да? Ребеночек рожда... в рубашке рождается. У русских тоже есть, тоже эту пленочку в тряпочку заворачивают и тоже там носят. Тоже, кто не может детей иметь, тоже носят. Видите?» (Зап. от Сауле Баймагамбетовой, 1947 г.р., см. выше) [ПМА].

Таким образом, мы видим, что первая рубашка новорожденного *ит кәйлек* в казахской традиции выполняла важные сакральные функции, которые направлены не только на продуцирование благополучия в жизни ребенка и всей его семьи, но и на постепенное отделение от мира «неживого», из которого он пришел, в мир освоенный, «живой». Смена первой рубашки на повседневную в сороковой день жизни ребенка означала и смену его статуса — выход из лиминального состояния и «настоящее рождение», по словам одной из информанток. С окончанием первых сорока дней снимались и некоторые запреты, связанные с ритуальной нечистотой ребенка, например, отец мог чаще приближаться к нему, ухаживать за ним, членам семьи разрешалось целовать

⁴ По-видимому, собирание элементов из разных источников для создания единого предмета является апотропеической практикой. В этом действии заключена идея, с одной стороны, приобщения тех людей, которым принадлежат эти части (лоскуты), к обряду, в котором этот предмет выступает важным атрибутом, а с другой — идея защиты от демонических существ, так как невозможно определить адресата вредоносных действий, поскольку фактически в создании рубашки участвовало множество людей.

его, так как он уже не осмыслялся как «*адамның қарынан шыққан*», то есть «недавно вышедший из чрева» [Коновалов, Шаханова 1998, 27].

Откуда все-таки первая рубашка получила свое название, сохранившееся в памяти народа до настоящего времени, и каким образом она была связана с собакой? Наши полевые материалы, а также сведения из опубликованных ранних работ позволяют сделать предположение — данное название первая рубашка, по-видимому, получила в связи с существовавшей в прошлом апотропеической практикой: перед первым надеванием на ребенка рубашку набрасывали на голову щенка или собаки, в некоторых случаях щенка клали в колыбель, прежде чем впервые положить туда младенца. Как отмечают исследователи Б.Х. Кармышева и С.С. Губаева, это действие не имело единой мотивировки и делалось либо для того, чтобы обмануть злых духов и чтобы все несчастья, предназначенные ребенку, перешли на собаку, либо передать ребенку плодovitость этого животного [Кармышева, Губаева 2006, 155]. Во всех этих мотивировках важным моментом является прямой контакт рубашки с самой собакой, однако в наших материалах есть упоминание о том, что это действие со временем редуцировалось — собаку заводили в дом и перед ней надевали рубашку на ребенка либо показывали ее собаке, перед тем как надеть. Впоследствии, как мы видим из интервью, эта практика и вовсе перестала быть обязательной, свернувшись до вербального упоминания имени этого животного. Приведенные ниже примеры иллюстрируют наше предположение о том, что редуцирование этой практики происходило постепенно, оставляя «зарубки» в традиционной народной памяти и обрядовой практике.

У некоторых сибирских тюрков в младенческом цикле исследователи отмечают особую связь собаки и ребенка, которая, по мнению Н.П. Лобачевой, является более существенной, чем в Среднеазиатском регионе. В качестве примеров Н.П. Лобачева приводит следующие сведения: алтайцы-бурханисты, как и хакасы, прежде чем положить в колыбель первого ребенка, клали туда щенка. Также хакасы первую рубашку ребенка сначала надевали на щенка или котенка, произнося при этом:

«*Мы надеваем на тебя собачью рубашку. Будь таким же крепким и выносливым, как собака*». У теленгитов первый бульон, сваренный из мяса овцы, которую закалывали в честь рождения ребенка, называется *йит мун* (*йит* — собака, *мун* — бульон), при этом от кушанья, приготовленного для роженицы, сначала немного отливали собаке [Лобачева 2006, 62]. По материалам, записанным Н.Ж. Шахановой у чимкентских казахов, ребенка купали в *ит табақ*, т.е. в тазу для кормления собак, наполнив его сорока ложками воды и положив туда украшения.

Известный советский этнограф, активно изучавший мифологические представления и обрядовую жизнь тюркских народов Средней Азии, Г.П. Снесарев в статье «Люди и звери (этнографические поиски в области культа животных)» подробно рассмотрел культ собаки в тюркских традициях и сделал предположение о его истоках, уходящих в зороастризм — религию, которая предшествовала исламу в тех местах. Он отмечает: «Как выяснилось, собака наделяется особым свойством оберега от вредных духов. Это очень ярко проявляется в комплексе обрядов, связанных с рождением и воспитанием детей. С детьми, их благополучием собака связана еще задолго до их появления на свет. <...> По всей Средней Азии первая рубашка младенца, которую, кстати, не подрубуют, чтобы жизнь его была как можно более длинной, называется “*ит койнак*”, буквально — “собачья рубашка”. По прошествии сорокадневного периода после родов, когда, по существующим представлениям, ребенку угрожает особая опасность со стороны духов и сглаза, такую рубашечку с него снимают и накидывают на собаку. Этим актом ребенка как бы отдают под дальнейшую охрану собаке» [Снесарев 1972, 169].

С приходом ислама в Среднюю Азию положительная оценка этого животного была полярно пересмотрена и демонические представления стали наслаиваться на предшествующие авестийские описания священного животного. Результатом подобных наслоений и оказалось наличие противоположных мотивировок, связанных с собакой: с одной стороны, это существо — представитель мира демонического (влияние ислама), с другой — животное

священное — наследство зороастризма [Там же, 70].

Все примеры показывают, что в основе ритуальных действий, связанных с собакой, лежат представления о ее потусторонней сущности, которые в прошлом были известны и казахам⁵. По-видимому, контакт предметов, принадлежащих новорожденному, с собакой, с одной стороны, указывал на связь с миром потусторонним и на его уязвимость, а с другой — демонстрировал постоянное присутствие этого животного, оберегающего от вредных действий демонических существ.

В настоящее время в обрядах младенчества и детства апотропеическая функция, связанная с собакой, сохраняется и осознается информантами в традиции именования: в семьях, в которых дети «не стоят», умирают, их принято называть именем, которое содержит компонент «ит», что в переводе с казахского означает 'собака'. Например: «<Соб.: Чтобы ребенка не слезили, какие имена давали? С собакой что-то связано, вы говорили?> Вот, чтоб не слезили, Арыстан делают это, тигренек. Еще, этот, можно... ставили Бота на девочку. Ботагөз... этот... именно... <Соб.: Верблюжонок?> Верблюжонок. И что-то... такие всякие имена ставят. А мы сейчас что ставим? Диана, Зарина у нас, Дина у нас. Видите, как ставим? А раньше... А с собакой вот ставят Итпас. Итпас. <Соб.: Что значит это имя?> Тоже чтоб не слезили, так и ставят — Итпас на ребенка, "собачий" значит» (Зап. от Сауле Баймагамбетовой, 1947 г.р., см. выше) [ПМА].

Или другой пример «плохих» имен, которые дают детям, как отмечает

информант, показывая, что «даже собака отказалась от этого ребенка»: «<Соб.: Какие-то плохие имена давали?> А, плохие имена тоже дают, потому что, чтобы на него никто внимания не обращал, чтобы жил ребенок. <Соб.: Чтобы имя не привлекало внимания?> Ага, не привлекало к себе, никто не смотрел этот... <Соб.: Какие «плохие» имена вы знаете?> Итемген называется — «собаку сосал он чтобы» <смеется>. Итемген называют, ага. Потом, Кошкарбай, Тышкан.

<Соб.: Кошкарбай как переводится?> Кошкарбай — это ну бараний самый стар... это с рогами. Кошкарбай, потом Тышкан. Тышкана знаешь? Мышь. Итжеттес — даже собака его не ест <смеется>. Ну, вот такие имена, плохие имена ставят, чтобы ребенок жил. А потом ребенок вырастет, скажет матери: почему так называли меня? <смеется>» (Зап. от Балкии Казиевны Казиевой, 1936 г.р., см. выше) [ПМА].

Таким образом, мы видим, что элементы традиционной культуры, в силу разных причин утратившие свою значимость в обряде и в результате получившие статус факультативных, в конечном счете отрываются от него и либо трансформируются и примыкают к другим элементам традиции, либо забываются навсегда. В результате подобных изменений и разрушений обряд может «сворачиваться» до одного ритуального действия или вербальной формулы, а в некоторых случаях — до одного названия важного предмета, как это произошло в ритуальной практике, связанной с обрядовым комплексом первых сорока дней ребенка.

Источники и материалы
[ПМА] — Полевые материалы автора.

Исследования

Абрамзон 1949 — Абрамзон С. М. Рождение и детство киргизского ребенка: (Из обычаев и обрядов тяньшаньских киргизов) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. XII. М.; Л., 1949. С. 78–138.

Горшунова 2006 — Горшунова О. В. Узбекская женщина: Социальный статус, семья, религия (по материалам Ферганской долины). М., 2006.

Кармышева, Губаева 2006 — Кармышева Б. Х., Губаева С. С. Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей у каратегинских киргизов // Среднеазиатский этнографический сборник. Вып. V. М., 2006. С. 149–164.

Кондыбай 2005 — Кондыбай С. Казахская мифология: Краткий словарь. Алматы, 2005.

Коновалов, Шаханова 1998 — Коновалов А. В., Шаханова Н. Ж. Ребенок в системе традиционной обрядности казахов: (Родильный и ранний воспитательные циклы) // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа / Сборник

⁵ Вспомним сюжет о замене ведьмой двух близнецов щенками, часто встречающийся в казахской богатырской сказке [Кондыбай 2005, 203, 207].

Музея антропологии и этнографии. СПб., 1998. С. 7–36.

Лобачева 2006 — *Лобачева Н. П.* Отражение этногенетической истории в материальной и духовной культуре народов среднеазиатско-казахстанского региона (по материалам середины XX века) // *Среднеазиатский этнографический сборник*. Вып. V. М., 2006. С. 47–94.

Снесарев 1972 — *Снесарев Г. П.* Люди и звери (этнографические поиски в области культа животных) // *Советская этнография*. 1972. № 1. С. 166–177.

Топорков 1989 — *Топорков А. Л.* Символика и ритуальные функции предметов материаль-

ной культуры // *Этнографическое изучение знаковых средств культуры*. Л., 1989. С. 89–101.

Фирштейн 1978 — *Фирштейн Л. А.* О некоторых обычаях и поверьях, связанных с рождением и воспитанием ребенка у узбеков Южного Хорезма // *Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана*. М., 1978. С. 189–208.

Чвырь 2006 — *Чвырь Л. А.* Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: Очерки народного ислама в Туркестане. М., 2006.

Шаханова 1998 — *Шаханова Н. Ж.* Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы, 1998.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Наумова Ю. Н. <https://orcid.org/0000-0003-0076-4628>

Аспирант Центра типологии и семиотики фольклора Российского государственного гуманитарного университета: Российская Федерация, 125047, г. Москва, ул. Чайнова, д. 15, корп. 7; тел.: +7 (495) 250-69-31; e-mail: iulia.naumova@gmail.com

A “CANINE” SHIRT FOR A BABY IN KAZAKH RITES OF INFANCY AND CHILDHOOD

JULIA N. NAUMOVA

(Russian State University for Humanities:
15–7, Chayanova str., Moscow, 125047, Russian Federation)

Summary. *The paper considers a complex of infancy cycle rites, namely the rites of the first forty days of a newborn's life that are intended to protect it, help it overcome the liminal stage and include it into “this” world. Specific attention is given to the rite that marks the end of a forty-day period and ritual practices associated with changing the first infant shirt — “it koilek”, literally a “dog's shirt” — for new clothes that symbolizes true birth and change of status. Drawing examples from her field experience, the author aims to demonstrate how an entire rite that had existed once was gradually reduced and simplified, while the contemporary tradition retains only a name for a ritual object and some debris of the initial rite. According to earlier ethnographic descriptions and testimonies of the informants, before putting on the first shirt on the child, a puppy was wrapped into it or was put into the cradle. This highly apotropaic practice, initially involving a direct contact with a dog, apparently caused nomination of the first shirt of the baby — “dog's” shirt. In some cases, a direct contact with a dog became unnecessary, but the pet was brought into the house for the same protective purpose and the shirt was shown to the dog before putting it on the child. Subsequently, these ritual actions were reduced and completely ceased from the narratives about the structure of the rite. The name “dog's shirt” for children's first shirt is spread in the Kazakh folk tradition, preserving the memory about the ritual that existed in the past.*

Key words: rites of infancy and childhood, child's first clothes, mythological beliefs, apotropaic tradition, namegiving rite, Kazakhs.

Acknowledgements. *This paper is supported by the Grant of the Foundation for Basic Research project No. 14-18-00590-II “Texts and practices of folklore as a model of cultural tradition: comparative-typological study”.*

References

- Abramzon S. M.** (1949) Rozhdenie i detstvo kirgizskogo rebenka (iz obychev i obryadov tyan'shanskikh kirgizov) [Birth and childhood of a Kyrgyz child (from the customs and rituals of the Tian-Shan Kyrgyz)]. *Sbornik Muzeya Antropologii i Etnografii (Kunstkamera) RAN* [The Collection of Papers of Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) RAS]. 1949. Vol. 12. Pp. 78–138. In Russian.
- Chvyr' L. A.** (2006) Obryady i verovaniya uigurov v XIX–XX vv.: ocherki narodnogo islama v Turkestane [Rituals and beliefs of the Uighurs in the 19th — the 20th centuries: essays on folk Islam in Turkestan]. Moscow. In Russian.
- Firshteyn L. A.** (1978) O nekotorykh oby-chayakh i pover'yakh, svyazannykh s rozhdeniem i vospitaniem rebenka u uzbekov Yuzhnogo Khorezma [Some of the customs and beliefs connected with the birth and upbringing of the child of Uzbeks of Southern Khorezm]. In: *Sem'ya i semeynnye obryady u narodov Srednei Azii i Kazakhstana* [Family and family rituals of the peoples of Central Asia and Kazakhstan]. Moscow. Pp. 189–208. In Russian.
- Gorshunova O. V.** (2006) Uzbekskaaya zhen-shchina: Sotsial'nyi status, sem'ya, religiya (po materialam Ferganskoy doliny) [The Uzbek woman: social status, family, religion (based on records from the Ferghana Valley)]. Moscow. In Russian.
- Karmysheva B. Kh., Gubayeva S. S.** (2006) Obryady, svyazannye s rozhdeniem i vospitaniem detei u karateginskikh kirgizov [Rituals related to the children's birth and upbringing among the Karategin Kyrgyz]. *Sredneaziatskiy etnograficheskii sbornik* [The Central Asian Ethnographic Collection of papers]. 2006. No. 5. Pp. 149–164. In Russian.
- Kondybay S.** (2005) Kazakhskaya mifologiya. Kratkii slovar' [Kazakh mythology. Brief dictionary]. Almaty. In Russian.
- Kononov A. V., Shahanova N. Zh.** (1998) Rebenok v sisteme traditsionnoy obryadnosti kazakhov (Rodil'nyi i ranniy vospitatel'nye tsykly) [Child in Kazakh traditional rites (Childbirth and early educational cycles)]. In: *Detstvo v traditsionnoy kul'ture narodov Sredney Azii, Kazakhstana i Kavkaza* [Childhood in the traditional culture of the peoples of Central Asia, Kazakhstan and Caucasus]. St. Petersburg. Pp. 7–36. In Russian.
- Lobacheva N. P.** (2006) Otrazhenie etnogeneticheskoy istorii v material'noy i dukhovnoy kul'ture narodov sredneaziatsko-kazakhstanskogo regiona (po materialam serediny XX veka) [Reflection of ethno-genetic history in material and spiritual culture of the peoples of the Central Asian-Kazakhstan region (based on materials

from the mid-twentieth century)]. *Sredneaziatskiy etnograficheskii sbornik* [The Central Asian Ethnographic Collection of papers]. 2006. No. 5. Pp. 47–94. In Russian.

Shakhanova N. Zh. (1998) *Mir traditsionnoy kul'tury kazakhov (etnograficheskie ocherki)* [The world of traditional Kazakh culture (ethnographic essays)]. Almaty. In Russian.

Snesarev G. P. (1972) *Ludi i zveri (etnograficheskie poiski v oblasti kul'ta zivotnykh)* [People and

animals (ethnographic research in the field of animal worship)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1972. No. 1. Pp. 166–177. In Russian.

Toporkov A. L. (1989) *Simvolika i ritual'nye funktsii predmetov material'noy kul'tury* [Symbolics and ritual functions of items of thingish culture]. In: *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [Ethnographic study of the iconic culture assets]. Leningrad. 1989. Pp. 89–101. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Naumova J. N. <https://orcid.org/0000-0003-0076-4628>

E-mail: iulia.naumova@gmail.com

Tel.: +7 (495) 250-69-31

15-7, Chayanova str., Moscow, 125047, Russian Federation

Postgraduate student, Center of Typology and Semiotics of Folklore, Russian State University for Humanities
